

Да... что-то их задержало.

Неужели они столкнулись с чем-то, что не смогли одолеть, или случилось непредвиденное, из-за чего они до сих пор не вернулись?

Хунхуан — место, полное опасностей, особенно для людей, которые были созданы совсем недавно. По сравнению с дикими зверями, наделенными от рождения особыми силами, им живется невероятно тяжело.

У костра кто-то тихо всхлипывал.

Соплеменники не впервые сталкивались с подобным, каждый понимал, что это означает, но никто не хотел в это верить.

Фуси находился рядом с Сюаньду, поэтому отчетливо слышал его тяжелое дыхание. Но в этот момент любые слова утешения казались пустыми и бессильными. Сюаньду глубоко вздохнул и, приобняв Фуси, который лишь в такие минуты проявлял присущую юности слабость, безмолвно попытался его успокоить.

Наконец, словно Небесный Путь внял молитвам собравшихся, один из молодых людей, до этого дежуривший на окраине, с безумной радостью закричал:

— Это они! Вождь и остальные вернулись! Мы видим их факелы неподалеку!

Все разом вскочили. Это было чувство внезапной, ошеломляющей радости. Даже напряженные до предела мышцы Фуси мгновенно расслабились, и он одним рывком поднялся с земли.

Сюаньду тоже облегченно выдохнул:

— Видишь? Я же говорил, что у вождя добрая душа и высшие силы его хранят, с ним ничего не случится.

Однако судьба будто специально решила поиздеваться над ним. Едва он закончил фразу, как из темноты донеслись полные отчаяния и боли крики:

— Скорее! Помогите! Вождь ранен! Быстрее!

Мгновенная эйфория сменилась глубокой скорбью. Разум людей словно оцепенел, они стояли, не зная, что делать. Лишь юный Фуси первым пришел в себя и бросился на помощь.

Никто не мог представить, что все закончится именно так. Величественный и надежный вождь клана Фэн, Суйжэнь, был доставлен обратно весь в крови и с мертвенно-бледным лицом. Рукав его левой руки висел пустым, а одежда на груди пропиталась алой кровью. Несмотря на то, что рану туго перевязали тканью, кровь продолжала сочиться наружу.

Для людей Хунхуана того времени такая рана означала неминуемую смерть.

Мужчина, охотившийся вместе с Суйжэнем, захлебываясь слезами, начал рассказывать:

— Мы внезапно столкнулись с Сицюем. Вождь прикрывал нас, пока мы отступали, и сражался со зверем один на один. Мы думали, что раненый зверь сбежал, а мы уже подошли к стоянке, но не ожидали, что эта тварь окажется такой хитрой. Она напала исподтишка. Вождь в спешке защитил нас и получил рану. Позже зверь пришел в ярость, и вождь, не жалея жизни, бросился в бой, чтобы убить чудовище и обеспечить нам безопасность!

В этот момент суровые воины, не знавшие страха, разрыдались.

Возможно, плач соплеменников вывел Суйжэня из полубессознательного состояния. Он медленно открыл глаза и, глядя на Фуси, который стоял перед ним, стиснув зубы и побледнев, глубоко вздохнул:

— Фуси...

Конец пути героя и увядание красоты всегда печальны. Почти все в этот момент отвернулись, не в силах смотреть на последнее прощание отца и сына.

Сюаньду стоял рядом, глядя на лужи крови, и его зрачки сузились. Хотя он находился в Хунхуане уже больше месяца, он все еще не мог привыкнуть к столь близкому лицу смерти.

Жизнь угасала так легко и быстро. Даже сильнейший человек в этом племени, Суйжэнь, оказался бессилён перед лицом смерти.

— Почему... почему вы его не лечите?

Среди общего молчаливого плача вопрос Сюаньду прозвучал особенно остро.

— Лечить? Чем лечить?! Такая рана... даже если кровь остановится, она неизбежно загноится. Это верная смерть. Вместо того чтобы позволить вождю мучиться в таких страданиях, лучше... лучше... К тому же, мы даже кровь остановить не можем! — закричал было крупный мужчина, разозленный словами Сюаньду, которые показались ему неуместным вмешательством, но под конец он сам замолчал, захлебнувшись в бессильном отчаянии.

Впрочем, дело было не только в Суйжэне. Разве мало людей погибло за эти годы от подобных тяжелых ран? Если бы не наследие Госпожи Нюйва, которым обладал вождь, он, вероятно, не продержался бы и до этого момента.

Однако на этот раз Сюаньду внезапно замолчал. Он смотрел на умирающего Суйжэня, который разительно отличался от того величественного человека, которого он знал, перевел взгляд на убитого горем Фуси, и, наконец, глубоко вздохнул. Приняв решение, он на глазах у всех подошел к лежащему на пороге смерти вождю.

— Рискнешь довериться мне?

Окружающие смотрели на него с яростью. Даже Фуси, чьи глаза покраснели, резко обернулся, словно дикий зверь, чью территорию нарушили. Казалось, его приводило в бешенство, что Сюаньду до сих пор сохраняет такое спокойствие и задает столь абсурдные вопросы.

Но Суйжэнь, глядя в глаза Сюаньду, которые были глубже самой ночи, в одно мгновение понял, что тот имеет в виду.

Даже в таком жалком состоянии первый вождь человечества сохранял глубокую проницательность и небывалое спокойствие. Помедлив лишь мгновение, он спросил в ответ:

— Каков шанс на успех?

Сюаньду на этот раз улыбнулся, вспомнив о системе, которая вечно шумела у него в голове, и ответил:

— Тридцать процентов.

Пожалуй, только он мог так небрежно говорить о тридцати процентах, будто это сто. Он совершенно не обращал внимания на то, как система в его сознании отчаянно вопила: Хозяин, не стоит так наглеть!

Пф, с чего бы ему наглеть!

Услышав его ответ и увидев отношение, Суйжэнь тяжело вздохнул:

— Ты понимаешь, что будет, если ты провалишься?

Что будет? Сюаньду задал этот вопрос самому себе. Хунхуан — место, где чужаков принимают крайне враждебно. Даже среди людей разные племена относились друг к другу настороженно. Если Фэн и позволяли ему оставаться здесь, то лишь потому, что он выглядел как детеныш, да и привел его сам вождь.

Но если Сюаньду сейчас вмешается и потерпит неудачу, люди не станут думать, что Суйжэнь в любом случае был обречен. Напротив, многие возложат вину за смерть вождя на него самого.

Не стоит сомневаться в низости человеческой натуры, особенно у тех, кто только что потерял близких и чье горе не находит выхода.

К тому же Сюаньду прекрасно понимал, какой шок его действия вызовут у этих первобытных людей, и не сомневался, что они вполне могут выбросить его на съедение зверям.

Но даже так Сюаньду лишь легко усмехнулся и пожал плечами:

— Конечно, понимаю. Будем считать, что я вернул долг за то, что ты когда-то спас меня.

Сюаньду улыбался беззаботно, полностью игнорируя вопли системы, и просто ответил:

— Я готов рискнуть. А ты?

\*\*\*

Болезнь Чжан Цзиньсяо была вызвана длительным истощением и пренебрежением к здоровью. Получив капельницу и курс препаратов железа, он покинул больницу.

Пока Сун Чжиянь отправился за продуктами, Чжан Цзиньсяо придвинул низкий табурет к балкону и занялся цветами: подрезал листья, приводил в порядок веточки маленьких бонсай. Кот Туаньчжан лениво растянулся на коврике, греясь на солнце и лениво играя с клубком шерсти.

Чжан Цзиньсяо как раз размышлял, как лучше подрезать бегонию, когда внезапно зазвонил телефон. Он тихо пробормотал что-то, отложил ножницы и пошел в гостиную. Не глядя на экран, он понял, что это Му Ань, и ответил на вызов.

— Аньань?

— Съемочная группа дала тебе выходной, сиди дома и отдыхай, как положено!

— Спасибо, Аньань, я ценю твою заботу. — В его голосе звучали нотки заискивания. Видимо, коту Туаньчжану еще не доводилось слышать, чтобы хозяин говорил таким тоном, и он

установился на Чжан Цзиньсяо круглыми глазами, полными любопытства.

— Ценю? — Му Ань холодно усмехнулся. — Это просто мои обязанности как агента.

Чжан Цзиньсяо знал, что Му Ань злится, но не ожидал, что настолько, раз тот начал прикрываться рабочими обязанностями. Он тихо вздохнул и решил пойти на попятную:

— Аньань, ты уже достаточно меня отчитал, пора бы и остыть. Я обещаю, что впредь буду следить за здоровьем...

— Да мне плевать! — отрезал Му Ань.

— Конечно, тебе не плевать, ты же мой агент. Мне еще нужно зарабатывать для тебя деньги.

— Хм, с твоих-то процентов. — Му Ань не то чтобы важничал, но у него в подчинении было немало популярных актеров, чьи гонорары были просто астрономическими. Конечно, он получал от них гораздо больше, чем от нынешнего Чжан Цзиньсяо.

Впрочем, это была лишь дружеская пикировка, никто не воспринимал слова всерьез. Чжан Цзиньсяо и Му Ань дружили много лет, и после нескольких попыток сгладить углы ярость Му Аня поухнула. Он скрипнул зубами и хмыкнул:

— Помнишь еще, что я твой агент?

Чжан Цзиньсяо сдержал улыбку, используя все свое актерское мастерство, чтобы Му Ань не уловил веселья в его голосе, и принялся умолять о прощении:

— Конечно, конечно! Мне, третьесортному актеру, просто несказанно повезло однажды встретить такого первоклассного агента, как ты.

В конце фразы невольно проскользнул вздох.

На «маленького взрывпакета» Му Аня этот прием Чжан Цзиньсяо действовал безотказно. Му Ань каждый раз попадался на эту удочку и теперь сменил тон на сухой и деловитый:

— Популярность придет рано или поздно, какая разница.

Отвечая с улыбкой, Чжан Цзиньсяо чувствовал себя немного виноватым. Му Ань действительно всегда заботился о нем, и хотя он не хотел, чтобы тот так сильно злился, не было ли это манипуляцией искренней заботой друга?

Поболтав еще немного, они попрощались. Как раз вовремя вернулся Сун Чжиянь с двумя полными пакетами. Чжан Цзиньсяо поспешил помочь, но Сун Чжиянь легко увернулся и с улыбкой сказал:

— Не нужно, сиди отдыхай.

Видя, что ему это не в тягость, Чжан Цзиньсяо не стал настаивать, а просто налил ему стакан воды.

Сун Чжиянь принялся разбирать покупки: курица, утка, рыба, мясо, яйца, соевые продукты, шпинат, капуста, черные древесные грибы, свежие фрукты, черный кунжут, красные финики, арахис... Стол, который был не таким уж маленьким, оказался заставлен до отказа.

Чжан Цзиньсяо даже опешил, указывая на гору продуктов, которой хватило бы на десятерых:

— Зачем ты купил так много?

Сун Чжиянь, напевая себе под нос, пребывал в отличном настроении. Он наклонил голову, изображая милашку:

— Приготовлю тебе императорский пир!

Закончив сортировку, он направился на кухню, а когда Чжан Цзиньсяо попытался помочь, он легонько подтолкнул его в спину:

— Иди-иди, не мешайся на кухне. Может, приляжешь в комнате? И не дай бог я увижу, что ты снова взял в руки сценарий.

Чжан Цзиньсяо, которому показалось, что это как раз Сун Чжиянь мешается, только вздохнул.

Сун Чжиянь, увидев ошарашенного Чжан Цзиньсяо у двери кухни, словно что-то вспомнил, заглянул в комнату и позвал:

— А где Туаньчжан? Кот Туаньчжан?

Умный кот узнал голос второго хозяина и недовольно мяукнул, но, учитывая, что Сун Чжиянь был его кормильцем, грациозно прошествовал из гостиной, окинув высокомерным взглядом этого шумного глупого человека.

Сун Чжиянь, снова получивший порцию пренебрежения от кота: ...

Прежде чем господин Сун успел прищуриться и задумать что-то недоброе, мягкосердечный Чжан Цзиньсяо, не желая, чтобы милый Туаньчжан пострадал от его когтей, присел и взял кота на руки.

Сун Чжиянь усмехнулся:

— Защищай его, защищай. Вот увидишь, однажды он тебе на голову сядет.

Чжан Цзиньсяо лишь улыбнулся, притворившись, что не понимает. А кот Туаньчжан, видимо, почувствовавший угрозу, свернулся клубком на руках у Чжан Цзиньсяо, так что была видна только его маленькая головка.

С точки зрения Сун Чжияня, это выглядело так, будто две пары одинаково ясных и чистых глаз смотрели на него, словно драгоценные камни, не знающие мирских забот.

Сун Чжиянь вздохнул, коснулся своей груди, а затем потянулся погладить лица и головы своего «большого сокровища» и «маленького негодника», после чего молча ушел на кухню готовить.

Чжан Цзиньсяо посмотрел на кота у себя на руках и наконец тихо улыбнулся.

Раз уж Сун Чжиянь обещал императорский пир, то, даже если времени на полную версию не хватило, это было не чета обычному обеду из трех блюд и супа. Он варил концентрированные бульоны, тщательно подбирал ингредиенты, а пока еда готовилась, даже взялся вырезать цветы из моркови!

На это ушло немало сил, и когда он наконец вынес все блюда, Чжан Цзиньсяо полулежал на диване, смотря прошлогодний фильм режиссера Ань Жэньмяня. Фильм был классикой, взял кучу международных наград и окончательно закрепил за режиссером статус топ-уровня. Даже Сун Чжиянь вынужден был признать, что фильм хорош — по крайней мере, холодность, эгоизм, трусость и нерешительность человеческой натуры были показаны там на все сто.

Фильм был глубоким, но даже кот Туаньчжан сидел на диване, задрав голову, с таким сосредоточенным видом, будто понимал происходящее. Сун Чжиянь усмехнулся: если бы от кота не веяло полным отсутствием духовной энергии, можно было бы подумать, что это превратившийся в зверя дух.

Впрочем, этот мир был слишком низким, чтобы в нем зародилось что-то одухотворенное. Сун Чжиянь размышлял об этом, а затем позвал Чжан Цзиньсяо:

— А-Сяо, иди есть.

Чжан Цзиньсяо прищурился и отозвался, но с места не сдвинулся. Фильм как раз достиг кульминации. Хотя он смотрел его не раз, это была великая работа, принесшая Вэй Фанхуну императорский трон, а партнеры по сцене были старыми мастерами актерского искусства.

Пожертвовать женой ради спасения тысячи незнакомцев или выбрать жену, наплевав на чужих людей? Перед лицом такого жестокого выбора фильм обнажал весь эгоизм, холодность, борьбу и боль человеческой души, заставляя зрителей спрашивать себя: а как бы поступил я?

Чжан Цзиньсяо сейчас тоже задавал себе этот вопрос: как бы я поступил? И как сыграть такую сцену?

Первое было очевидно, а вот второе требовало глубокого осмысления. В конце концов, ему нужно было больше опыта и отточенного мастерства.

Когда он пришел в себя, то увидел лицо Сун Чжияня прямо перед своим. Глаза в глаза. Чжан Цзиньсяо от неожиданности отпрянул.

Сун Чжиянь выпрямился и погладил подбородок:

— Ой, если бы ты очнулся чуть позже, я бы уже поцеловал тебя. Или не отстраняйся, можно и податься вперед~

Чжан Цзиньсяо тихо кашлянул, молча отодвинул преграждающего путь Сун Чжияня и пошел к столу. Сун Чжиянь, усмехнувшись, не стал продолжать дразниться, покормил кота кашкой и лакомствами, а потом сел есть сам.

Если раньше это было время для совместной трапезы, то сегодня все было немного иначе...

Сун Чжиянь смотрел на Чжан Цзиньсяо, который уже десять минут держал палочки, а еды в его миске почти не убавилось. Улыбка в глазах Сун Чжияня становилась все шире, уголки рта невольно поползли вверх, но он молчал, напевая под нос и просматривая что-то в телефоне.

Но просто ждать было нельзя, особенно видя, как Чжан Цзиньсяо невозмутимо смотрит на кусок ребрышка уже минут пять... Неужели он перенес свою актерскую невозмутимость за обеденный стол?

Сун Чжиянь беспомощно вздохнул, хлопнул себя по колену и встал.

Однако Сун Чжиянь мог бы поклясться своим зрением, позволявшим видеть на тысячи миль, что в этот момент тело Чжан Цзиньсяо заметно расслабилось, а на губах промелькнула улыбка облегчения.

Улыбка Сун Чжияня стала еще шире. Он взял руку Чжан Цзиньсяо, собиравшуюся отложить палочки, и сам съел то самое ребрышко. Пока Чжан Цзиньсяо ошарашенно хлопал глазами, он заботливо произнес:

— Остыло, пожалуй. Я подогрею.

Улыбка на лице Чжан Цзиньсяо, который уже начал праздновать избавление от необходимости сидеть и мучиться, мгновенно застыла. На лице появилось выражение крайнего изумления.

Видя, что Сун Чжиянь действительно несет миску с ребрышками к микроволновке, Чжан Цзиньсяо подсознательно окликнул его:

— Подожди!

Но когда Сун Чжиянь поднял бровь, глядя на него, Чжан Цзиньсяо снова сник и замялся.

А этот негодяй Сун Чжиянь продолжал нагло врать, глядя прямо в глаза:

— А-Сяо не любит суп с ребрышками? Тогда, может, куриный?

Чжан Цзиньсяо наконец не выдержал и пробормотал:

— Я правда... больше не могу...

<http://bllate.org/book/19085/1874264>